

Не только воин, но и охотник — так сказал бы о нём каждый, кто мог прочесть вязь на руке, кто знал его отца и жил на их землях. Удачливый охотник, бесстрашный воин — сказали бы близкие друзья. Следопытом назвал бы Брок, потому что ни одна живая тварь не ушла от него, когда Баки хотел её — и настигал. Он умел не только мечом и топором лишать жизни. Он кидал ножи и тяжёлые дроты, он стрелял из лука и арбалета лучше многих даже из малого войска. И был лучшим в своих родных землях, до которых теперь было так дико, так неизбежно далеко.

Баки шёл по следу друида, неловко кособочась, цепляя ветки и создавая непростительно много шума. Его мутило от голода, боли и кровопотери, он не ел нормально несколько дней кряду, только пил болотные отвары, перестав сопротивляться — только чтобы собрать свои силы по крупичкам, чтобы выплеснуть их разом в нужный момент. Голова гэла слишком плотно сидела на его шее, он потратил почти весь запас сил, а потом потерялся мальчишка. Это не входило в его планы. Даже если он решил оставить его, Джеймса Бьюхэнна Баарнса, вот так подышать недоубитым, недоживым под елями рядом с мёртвым телом его врага, он мог бы хотя бы проклясть его. Хоть несколько слов прошептать в его сторону. Баки немного понимал кельтский. Мог бы ткнуть его ножом точнее, а не ковырять им землю, смотря с той дикой ненавистью, от одного воспоминания о которой у Баки продрало холодом по хребту. Это была чистая сила — не физическая, не воинская, не мужская даже. Что-то, что сидело внутри этого мальчишки, Баки чувствовал как огромное и сильное нечто. Оно пугало его. Баки никогда не встречал друидов раньше, а ведуны пиктов не производили на него подобного впечатления. Знахари и травники, ничего больше.

Мальчишка должен был отправить его к праотцам правильно, как он сам отправил туда гэла. Баки пережил ночь рядом с телом и проверил, что тот не поднимется больше. Ни как нелюдь, ни как мстящий дух. Он тоже заслуживал честной смерти. Он, второй наследник огромных земель пиктов на востоке. Король обещал ему владения в Дал-Риаде, когда они дойдут до края земли. Он мог бы начать свою династию здесь. Иметь свой замок, свои поля и людей. Взять жену, чтобы родила наследников. Но теперь... он только упрямо шёл вперёд, придерживая оставшейся рукой рукоять ножа в ножнах, вглядываясь в предрассветных сумерках во все ведомые ему, следопыту, знаки. В смахнутую росу на траве, в обломанные ветки, в примятый мох. Он видел дорогу, по которой друид ушёл от него, словно та светилась голубым пламенем под ногами.

И он нашёл его. На берегу тихо журчащего родника, в месте, где старую ель последний ураган вырвал с корнем. Там, под огромными ветвистыми корнями с высохшими комьями земли сидел он в своей хламиде на коленях, и ткань вся потемнела от росы. Перед ним смиренно, словно домашний ягнёнок или коза, сидел на коленях молодой олень — Баки был бы счастлив настигнуть такого на охоте. Совсем ещё молодой, с красивыми рогами, лоснящийся и полный сил, он только недавно вошёл в гон. Ссадины на рогах говорили, что он уже дрался с другим самцом или за право спаривания, или за территорию. Он лежал перед друидом, нервно попрыгивая ушами и раздувая глубокие влажные ноздри, и никуда не собирался уходить. Он словно услышал его — и повернул голову на тихий звук, который Баки не мог удержать в груди — настолько чудная картина открылась перед ним. И только друид не обратил никакого внимания на его присутствие.

Тот склонился лбом так низко, что почти лёг на свои колени. И уткнулся головой в то приятное, тёплое место между рогов. И начал гладить оленя по ушам и шее, беззвучно шевеля

губами.

Даже Баки вздрогнул, когда друид невидимым и отточенным движением вскинул руку и полоснул по доверчиво подставленному горлу. Олень дёрнулся и упал, завалился набок. Из мастерски перерезанного горла хлестала свежая, сладко пахнувшая на всю поляну кровь, и рот Баки наполнился слюной. Друид же подставил под струйку свою пузатую деревянную флягу и принялся наполнять, всё глядя оленя по шее. Широко открытые влажные глаза его ещё смотрели в светлеющее небо, но он был мёртв — а Баки, наоборот, пока что жив. И очень, очень голоден. В желудке заурчало так, что услышал бы и глухой — но друид даже не повернулся в его сторону. Словно он, Джеймс Бьюхэннан Баарнс, был чем-то несущественным, как надоедливая мошка. Неожиданный прилив злобы и ненависти так ошпарил Баки, что он подумал — будь у него сейчас желание и возможность, не раздумывая схватил бы и поставил мальчишку раком, уткнул бы лицом в мох и выколотил бы из него всю душу, толкаясь со всей силы вперёд и глубже по его же свежей крови.

Друид свежевал оленя очень аккуратно и быстро, он явно знал, что делает. И, избавившись от грязных внутренностей, вырезал чистую, живительную свежую печень. Взвесил её на своей узкой костлявой ладони, перепачканной в крови, завернул в лист ближайшего лопуха и... вдруг кинул к ногам Баки — королевское подношение, как собаке, на землю. Оскалившись, Баки рыкнул, встретился с прозрачными, холодными и блестящими глазами друида — и медленно, кособоко упал на колени. Торопливо разорвал жилки лопуха, добрался до влажной, тёплой ещё печени и начал есть. Ничего лучше в ближайшем будущем он не увидит — он знал это точно. Печень отдают хворым или предводителям. Но не врагам. Врагов убивают — и отрезают им головы, чтобы те никогда не встали снова.

Баки не понимал, что друид делает. Почему не попытается убить его сейчас, пока он слаб, зачем отдаёт ему лучшее от охоты, пускай и унизительно кидая наземь. Зачем сматывает ноги освежёванному оленю и вешает его на себя через плечо, как Баки навешивал на себя ритуальное оружие для отцовского пира в замке — больше красивое, чем опасное. Зачем идёт сквозь лес, не оборачиваясь, и почему ничего не говорит. Никогда.

Он оставил себе кусочек печени на день, кое-как неловко упрятав его в обрывки лопуха и сунув в опустевший кожаный кошель, болтающийся на поясе килта. Вытер рот рукой, наверняка только размазав красное, и пошёл следом за друидом. Он не знал другого пути. Отец не раз говорил ему: пока не видишь своего пути, иди по тому, что тебе показывают. И друид показывал ему дорогу. Не звал за собой, но и не гнал, слыша хруст веток за спиной. И Баки шёл: умирая от жажды, кривясь от боли, едва не падая из-за головокружения, оступаясь на кочках и не справляясь с потерявшим баланс телом. Кривой клинок перековывали, предавая очистительному жару пламени. Что можно было сделать с ним самим, Баки не знал. Он только переставлял ногу за ногу, постоянно ища взглядом между веток макушку с посеребрившими от грязи светлыми волосами.

И всё думал о том, почему друид плакал тогда.